

СЕРГЕЙ САЛЬНИКОВ

ПАМЯТЬ АНГЕЛОВ

Сергей Сальников

Память ангелов (сборник)

«Accent Graphics communications»

Сальников С.

Память ангелов (сборник) / С. Сальников — «Accent Graphics communications»,

Чеченская война, венгерский мятеж 1956 года, морские рассказы, стеб, юмор, несколько глав из мистического боевика «Преисподняя для Бисмарка» и остросюжетной повести «Янтарный ад», и многое другое – во втором издании сборника рассказов «Память ангелов» прозаика и журналиста из Калининграда Сергея Сальникова.

© Сальников С.

© Accent Graphics communications

Содержание

Память ангелов	5
Аист	14
Валенки	15
Беспредел	16
Недострелённый	17
Один день Сергея Сергеевича	18
А нам всё равно!	20
Закат	21
Секс по-милицейски. Будни УГРО	22
Королевские пельмени	24
Медь в голосе	25
Тулуп для пушки	27
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Сальников

Память ангелов

Память ангелов

Всё! Есть! Я сделал их!

Падаю в мягкое кресло, откидываю голову на высокий подголовник. Дома тепло и спокойно, на плечах большое любимое полотенце, еще влажная от душа спина ощущает холодок старого велюра. Выдергиваю пробку, наливаю в рюмку любимый коньяк.

Оп его залпом! Не терплю всех этих западных прибабасов с нюханьем и цедилкой сквозь зубы.

Лимошка, хорошо-то как!

Я вставил этот спортивный «Понтиак» надутым московским лошкам! Придурки! Почти шесть литров движок! Пускай теперь прокормят эту корову! Сорок восемь тысяч «зеленю»! Каково! Получил, добрался до дома, жив, здоров, не верится даже! В сухом остатке двадцать пять штук, ну, чуток меньше! Но каково!

Ну, ещё разок! Опа! И опять лимончик следом. Лепота!

Семья приедет завтра. Они у матери. Возможно я переосторожничал, когда сообщал по телефону, что приеду позже, но, бережённому Бог бережёт, сколько нашего брата сгинуло на просторах милой Родины.

Ну, третью, опа! Голова приятно тяжелеет.

Жму кнопку пульта, звук, изображение, «Новости»? Ну и чёрт с ними, пусть «Новости».

Хе, вот и президент родимый нарисовался. Цветочки к памятнику возлагает.

Добавил звук, наливаю ещё рюмашку, хмель берёт слабо, так всегда после перегона.

Диктор, слегка проглатывая слова, поясняет, что главы двух государств, возложили венки к могиле героев революции 1956 года.

Это он в Венгрии? Цветочки на могилу «героев»? Вот знал, что не надо «Новости» смотреть!

Я грязно ругаюсь. И совесть есть у них? Настроение портят! Герои? Да.

Иду на кухню, закуриваю, пить больше не хочется, комкаю сигарету и ложусь спать.

Сплошная темнота глубокого сна нарушается спокойным светом, он струится сверху, он тёплый, ласкает лицо.

Низкий, уверенный мужской баритон: «Я расскажу тебе, как всё было. Во сне, твоём сне это произойдёт с тобой, меня уже нет, а мёртвые не лгут».

Я хочу проснуться, пытаюсь встать, встаю, включаю ночник на знакомом месте, шлёпаю босыми детскими(?) ножками на холодный пол, Господи – это не моя комната. Но почему-то знаю, что я в Венгрии и идёт 1956 год. Оглядываюсь.

Большая уютная комната, высокие потолки с лепниной – белые ангелочки, просторная кровать, никелированные спинки, пуховая подушка. На соседней, почти такой же постели, спит мой младший братишка. Тепло и уютно. Вдруг мелко задрожала массивная люстра, оставшаяся от предыдущих жильцов, и бабахнуло так, что заложило уши. Застучали автоматные очереди и следом хлесткие винтовочные выстрелы. Проснулся и захныкал в своей кровати братик, я подбежал к нему, сел на край постели, прижал к себе его белобрысую головку. В комнату влетел отец – бледный, но уверенный: «Быстро одевайтесь».

Мой папа – подполковник, у него почти двадцать медалей и орденов за войну с немецкими фашистами, а на спине и груди огромные шрамы. И ещё один – длинный и извилистый от виска к подбородку. Мы живём в Венгрии, где служит отец.

Оделись моментально и уже спускаемся по парадной лестнице вниз, на первом этаже распахнулась входная дверь, в проёме толстый нелепый человечек с автоматом и повязкой на руке. Толстяк вскидывает автомат, но выстрелить не успевает – папа ногой выбивает оружие, хватая его за голову, выворачивает её в сторону и очень плавно проводит рукой по горлу.

«Шушера мадьярская!» – сквозь зубы бросает отец.

Он несколько мгновений держит дёргающегося венгра в руках, а потом плавно опускает его на кафельный пол. Мужичишка ещё взбрыкивает ножонками в сапогах с нелепыми белыми отворотами, из горла струёй бьёт кровь. Автомат в руках отца, нож он кладёт в карман.

«К чёрному выходу!» – отец протягивает руку в направлении другой двери. В приоткрытую парадную вкатывается граната с длинной ручкой. Отец сбивает с ног маму и братика, подминает их под себя. Я стою чуть поодаль. Он пытается дотянуться до меня, я падаю.... Остальное я узнал уже ТАМ.

То, что отец не закрыл меня своим телом, спасло мне жизнь. Венгерские «революционеры» приняли меня за убитого, вытащили за одну ножку и бросили на тротуаре, потом вытянули обезображенный труп папы, потыкали его штыками, выстрелили в голову, кинули поверх меня и принялись за маму и братишку. Они умирали долго и мучительно.

Десятка матросиков Дунайской флотилии, во главе с офицером, пробивалась к пирсу. Мадьяры постреляли и, боясь серьёзно сцепиться с «чёрной смертью», исчезли в тесных улочках. Моряки наткнулись на нас, перевернули на спину отца и обнаружили меня, Офицер проверил пульс и кивнул «первостатейному»: «Бери его, Лёша! Жив малец!»

Смерть в лице венгерских «повстанцев» отступила перед ангелом-хранителем в образе русского моряка с ППШ.

Мобильник настойчиво предлагает встать, открываю глаза. Мобильник? Откуда он здесь? Так это – мой телефон! Это – моя квартира! О, Господи, это – сон! Всего лишь сон.

И мне всего тридцать и я не мог быть там..

Выключаю надоедливую музыку, зацепил какой-то предмет, он падает на пол, нагибаюсь, на коврике маленький, короткий патрон с круглой головкой пули...

От ППШ?

Кручу в руках, ставлю на тумбочку и бреду на кухню, кофе, коньяк, сигарета.

Сон? Это понятно – впечатление от «Новостей», но патрон!

В замке входной двери поворачивается ключ. Моё семейство возвратилось! Отгалкивая друг друга, смеясь, повисают на мне, целуют, обнимают, наперебой рассказывают. Мои милые пацаны, двое чудесных сорванцов, моя жена.

«Ты когда вернулся? А мы видно не поняли тебя, думали сегодня! Ты хоть поел? Опять кофе, сигареты и коньяк?» – жена весело смеётся, дети щебечут.

«Я приглашаю всех вас гулять и кутить! Составляйте список подарков! Я сегодня – Дед-Мороз!»

Накрываем стол, суматоха, веселье «Милая, ты здесь с тумбочки ничего не убирала?»

«Нет, а что там, помада или, что еще спрятать не успел?»

«Да не, так, железка маленькая от машины...»

Глаза воровато обшаривают пол, уголки комнаты – патрона нет. А может это просто показалось? Дорога, нервы, выпил малость: «Давай сюда, поближе, дорогая».

Дождь шелестит по опавшим листьям, ветер гоняет входную дверь на первом этаже.

«Мать звонила, просила приехать на несколько дней. Ты с нами поедешь?» – я чувствую, как в темноте жена смотрит на меня.

«Чуть позже подъеду, Толян „тачку“ обещал показать».

«Серёжа, может, хватит? Деньги есть, всех не заработаешь, чего тебе дома не сидится, я, слава Богу, работаю»

«Ещё раз, пока зима не подкатила, смотаюсь и шабаш до весны, а может и совсем. Хорошо?»

«Хорошо, а ты не врешь, что всё?»

«Нет. Спи, зайчонок»

Глубокая ночь укутала город.

Посол СССР в Венгрии Антропов закончил совещание с сотрудниками, все вышли. Его лицо, за минуту до этого вмещавшее в себя горечь, гнев, трагедию, вдруг преобразилось. Оно стало спокойным, усталая и довольная улыбка человека, прекрасно выполнившего своё дело, пробежала по нему.

Резкий звонок телефона – Москва. Лицо посла моментально приняло прежнее выражение: «Слушаю Вас, Никита Сергеевич. Докладываю обстановку...»

Закончив доклад, он опять улыбнулся и потёр руки. Задумался.

Вы у меня умоетесь ещё кровавыми соплями! За всё умоетесь! Даже за мою идиотскую фамилию! Антропов. Под такой кличкой жить приходится.

Картины совсем раннего, беззаботного детства, няня, огромный каменный дом, отец, которого он вычеркнул из своей биографии. Мама – Евгения Карловна Флеккеништейн. Как звучит!

Ха – Антропов..... Сволочи! Я даже не могу жить под своей фамилией!

Бои шли по всему Будапешту, не имея чёткого приказа из Москвы, советский гарнизон нёс тяжёлые потери, оказывая врагу лишь пассивное сопротивление. Выкинутый «на ура» десант был практически истреблён. Пройдёт много лет и вот так же погибнет в Грозном Майкопская бригада.

Посол готовился к эвакуации, своё дело он сделал. Его ждали новые вершины в стране, которую он вряд-ли считал родиной и любил. По удивительному стечению искусственных обстоятельств он достигнет в СССР самого высокого поста, но завершить дело Герострата не успеет.

Это сделает ничтожный человек, выдвинутый бывшим послом на советский олимп.

А в Венгрии продолжали гибнуть простые русские люди – военные и гражданские, взрослые и дети.

Противник пленных не брал.

«Вставай! Соня-засоня!» – жена весело теребит меня – «Завтракать пора, мы уезжаем, ты тут не хулигань без нас».

В ушах ещё ухало оружие.

Часы показывали девять, через час меня Толян ждёт.

«Ну, что, Серёга, берём „аппарат“ и в путь?»

«В путь? Да, в Будапешт».

«Всё шутишь? Ждут тебя там. В Первопрестольную».

«Я подумаю чуток. Лады? Позвоню тебе сегодня».

«Хозяин-барин, но долго не думай».

Я сел в машину, повернул ключ, приятно заурчал мощный дизелёк, вырулил со стоянки, на стекле оседали первые вестники зимы – мелкие мокрые снежинки. Припрёт в дороге зима, хотя чего нам впервой, что-ли. Вот не найду дома патрон – поеду, а найду – останусь. Я знал, что не найду и поеду. Подкатил к подъезду, шлепнул сигнализацию и побежал наверх. Ключ в замок, открыл. проскочил в спальню на тумбочке, прямо посередине, стоял патрон от ППШ. З присел на кровать, потёр лоб: «Значит – не судьба».

Достал телефон: «Извини, Толян, обстоятельства личные, я не еду».

Потом набрал номер жены: «Зая, я завтра к вам приеду, перегон отменяется».

«Ой, какой ты умница! Молодец! Сейчас детей обрадую!»

Ну и всё, покушать и спать, завтра встать пораньше и за часок доеду. И то с семьёй не вижу, надоела эта гонка. Что-то зима в этом году рано наступает. Ладно, спокойной ночи.

Сон, сон, сон.

Я вернулся в ненавистную для меня Европу!

Жаль, что не в Венгрию, но зато на броне танка! Детская мечта – прогромыхать гусеницами по ожиревшей и погрязшей во вселенском грехе бабе-яге Европе сбылась в 1968 году. На предельной скорости или мы по гнезду дьявола, откуда много раз начинались крестовые походы против моей Родины. Прокатиться бы на танке по столице самой подлой из них – Великобритании, но по её улицам пройдут солдаты не нашей армии. Жестокий это будет парад! Теперь я знаю, что с ними будет, но мне не жаль их.

А мы вкатывались в Чехию, страну, которая когда-то была славянской и вела кровавые войны с крестоносцами, но пали герои, их сменили лакеи, повара, официанты. Остатки смелого и гордого народа.

Колону остановили в районе маленького городишки, мы должны пропустить вперёд батальон армии ГДР. Одна за другой проходят по прекрасной дороге грузовики с немцами.

«Как дела, лейтенант?» – на моём плече огромная тяжёлая рука майора Петрова, нашего комбата – «Доволен броском? Наверное, о Венгрии мечтаешь? Не горюй, все они одним миром мазаны, хотя история у каждого своя».

От майора слегка тянет сладковатым запахом спирта. Он из осколка рода забайкальских казаков.

«Почему Вы так решили?» – я раздражаюсь, что кто-то читает мои мысли.

«Ты не еришь, сынок, это – от зависти. Я вот не смогу прокатиться на танке по тем, кто мою семью изувечил. А что чехи, так не переживай, была бы печаль, кабы на Сербию с такой миссией шли. Хотя и с ней не всё ясно в твоей личной трагедии. Гнусно себя Югославия вела в 1956 году, а отвечать за подлость придётся, всем придётся, раньше или позже, а придётся. Всем ойкнутся русская кровь и слёзы. Ох, и ойкнутся! Не ведают они, что творят!» – он хлопнул меня по плечу и пошёл по обочине дороги, на мгновение остановился, повернулся ко мне и тихо сказал: «Я верю тебе, казак».

Мы снова двинулись на Прагу.

Последние дни осени, начинает вьюжить, мокрый снег налипает на лобовое стекло, покорно ложится под колёса, разлетаясь мокрой липкой кашей. Знобит, я включаю печку, тёплый воздух заполняет салон, глаза начинают закрываться. Резкая дробь по боковому стеклу, обдав грязью и подрезав, вперёд уходит чёрный «Хаммер». Найдёшь, паскуда, свой гвоздь, на каждый молоток находится свой гвоздь, об который он уколется.

В голове последний сон. Майор Петров? Казак? Чехословакия? А сколько мне тогда было лет? Это было в 1968-м, а я родился в 46-м. Двадцать два, училище едва закончил.

Что за чушь! Какой сорок шестой? Какое училище? Эти сны сведут с ума! Я – это я! А сны отдельно!

Включаю правый поворот, торможу, прижимаясь к обочине, выхожу, закуриваю, мокрый снег налипает на лицо, протискивается во все щели одежды, но освежает, сон уходит. Домой, к семье, они ждут, они у матери в деревне, осталось совсем не много.

Резко газую, вильнув задом на мокром асфальте, машина, покорная моей воле, рвет вперёд. Пурга разгулялась не на шутку, сворачиваю на просёлок.

Разбитый асфальт из-под тонкого снега подлю подсовывает колдобины, дорога петляет среди засыпанных снегом деревьев, в белом коридоре сошедшихся сверху крон лесных великанов. Снегопад прекратился, сейчас опасный поворот, снижаю скорость, а прямо, уткнувшись капотом в могучий ствол, стоит чёрный «Хаммер».

«Что, долетался, соколик?»

Останавливаюсь, дверь в джипе открылась легко. Кожанка, бритый череп, золотая цепура на толстой шее, залитое кровью тупое рыло.

Я сразу узнал эту сволочь! Сколько раз я мысленно убивал эту гадину! Теперь он в моей власти! Вот он – Ваха! На «торпеде» спокойно стоит патрон от ППШ. Откуда он здесь? Почему не упал от удара?

Открываю защёлку бардачка под ним, пистолет – ТТешник, готов к работе, только снять затворную задержку. Через мгновение я спокойно стреляю в ненавистную башку, осколки черепа с мозгами разлетаются по салону, стекают по дорогой обшивке. Патрон ППШ падает и замирает на дипломате, что лежит на переднем сиденье. Значит это для меня, я забираю дипломат, пистолет, спокойно сажусь в машину. Ну, поехала, родная.

Через полкилометра мостик через речку, скидываю «пушку», она плюхается в чёрную воду, два пузыря, всё, открываю кейс. Вот так! Таких денег я никогда в жизни не видел!

Вытряхиваю содержимое и пустой дипломат, проплыв пару метров, идёт вслед за пистолетом.

Низкие тучи обрушивают на дорогу настоящую пургу.

Следов больше не будет.

Прошедший мимо нас немецкий батальон остановился, вкатившись в город на километр-полтора, на небольшой площади, вокруг которой теснилось несколько пивнушек. Тесное пространство сразу заполнилось лающим говором, командами, топотом армейских сапог. Через полчаса техника стояла стройным каре, внутри которого солдаты складывали ящики и мешки из грузовиков, устанавливали палатки, деловито вбивая крепления растяжек прямо в брусчатку площади. Худой солдатик в очках тщательно рисовал большим куском мела белую черту вокруг своего лагеря, окончив труд художника, он расставил по периметру небольшие стойки, натянул по ним шпагат и развесил таблички с надписью по-чешки «Стоять! Стрелять!» Ближе к пяти вечера, прилично накачавшись пивком, вокруг лагеря начали собираться группы пёстро одетых недорослей.

Между ними мелькали вполне взрослые мужчины и женщины, дававшие указания и команды. Появились тележки с бесплатными бутербродами, жареной колбаской, колбой и пивом, несколько ораторов, взобравшись на аккуратно сделанные передвижные трибуны, клеймили позором «цивилизованных и культурных» немцев, выполняющих приказ «красных, тупых иванов». Нафталиновых интеллигентов с редкими седенькими волосёнками сменяли накаченные джинсовые молодцы и девицы в юбках длиной с носовой платок. Публика вполне подогрелась. Над ней качались плакаты, в основном на английском. Центром внимания был человек с огромной кинокамерой и раскрашенная мадам с выдавшим видё лицом и мужчин телом. Активистка трясла двухцветными волосами, выставляя вперёд острое коленце, бойко молотила по-английски, временами давая поговорить на камеру толпившимся рядом нафталиновым пиджакам и джинсовым костюмчикам. Отработав оплаченное время, ораторша дала команду поношенному мужичку, который взял плакатик с надписью «Go home», потряс

им под гудёж накаченной пивом публики, оскалил подобие улыбки на измученной алкоголем физиономии и, выставив напоказ жёлтые зубы, направился к белой черте на мостовой. Он остановился прямо возле таблички, висящей на шпегате новой «границы» Германиш, помялся с ноги на ногу, повернул давно не стриженую голову назад. Новые друзья, так здорово угощавшие его весь день, подбодрили его хором возгласов, и он шагнул за шпегатик. Пуля вошла ему точно между глаз.

ЧССР потеряла давно забытого ею непутёвого человека, а защитники демократии получили очередного героя, отдавшего жизнь в борьбе за их идеалы. А бедный человек просто хотел халывского пива, на которое у него всегда не хватало денег.

Площадь опустела в течение нескольких минут, приехала полиция и тёмный фургон увёз в своём чреве очередную жертву борьбы за передел мира.

В Берлине инцидент не заметили, в Москве недовольно поморщились и выразили сожаление, в Вашингтоне с удовольствием потёрли руки, их пресса, естественно независимая, подняла стайный вой. А в Праге через неделю тихо закопали за муниципальный счёт безвестного борца за демократию. Проходила практическая обкатка будущих «цветных революций».

За окном весело шлёпает с крыши холодными каплями вчерашняя пурга, солнечные зайчики пляшут на посуде в старой «стенке».

Сколько лет этой мебели? Двадцать? Сорок? Или целая вечность? Я всегда помнил только её, другой не было...

Мать суетится у стола, накрывает поздний завтрак, дети уже на улице – меряют сапогами глубину луж. Умываюсь, усаживаемся.

«Мы вот тебе подарок приготовили, с Натальей выбирали, решили на праздник подарить» – в руках у матери ноутбук. Господи – это сколько она копила на него? Я целую маму, жену. Правда, очень приятно. А что за праздник такой вдруг? О-й-ой-й-ой! Как я забыл – мой день рождения!

Наташка жмётся к плечу: «Бросай свои гонки-перегонки, сиди дома, пиши книжки!»

Я поднимаю рюмку: «За всех нас! Обещаю, что больше никаких перегонов! Всё! Закончил!»

Безумно интересно, но у меня нет, ни малейшего угрызения совести после вчерашнего в лесу. Совсем ничего! Наоборот, висевшая постоянно на душе тревога, куда-то исчезла, легко и радостно, как в безоблачном детстве.

На круглом столе, посреди комнаты – мой «бук», а прямо на нём – патрон от ППШ!

Хорошо! Хорошо! Я понял! Я напишу, как смогу о том, что ты мне рассказываешь, слово в слово, неизвестный мне друг, что стал частью меня.

«Садись, капитан, вот дело по убийству вчерашнему, ну, знакомого нашего общего из Чечни завалил кто-то. Знал его? Я перед тобой душой кривить не буду, мы старые боевые друзья. На нём крови наших товарищей – полно. Тому, кто его грохнул, я готов руку пожать. Жаль не я это сделал. Так ты не переусердствуй, при раскрытии – всяком больше, всяком меньше. Сам понимаешь. Но, трудись, товарищ офицер, что бы пыль столбом, но не больше. Удачи!»

Вечер плавно перекатывался в ночь.

Для нас «поход» в ЧССР закончился быстро и без особых приключений. Так, мелоч, пару раз упирались в перегоревших улицу молокососов с плакатиками, Они визжали неокрепшими голосами, брызгали слюной, швыряли банки с дерьмом. Тогда вперёд выходил взвод разведки и, поигрывая сапёрными лопатками, шёл на «героев революции». Бросая наглядную агитацию,

они моментально растворялись в узких улочках, а мы шли дальше. Лишь раз из проезжавшей легковушки вылетели две бутылки, разбились об идущий в конце колонны танк и подожгли его. Экипаж моментально сбил огонь, а террористы, видимо пересрав, воткнулись в фонарный столб, не проехав и двадцати метров. Двоих тут же поймали и, выбив зубы, отпустили домой, сушить портки. С их «Шкодой-105» поступили вообще гуманно – танк только дважды проехал по ней туда-сюда.

Через десять дней мы были на марше домой. Великая чешская революция закончилась. Я был частично удовлетворён, я видел, как разбегаются те, кто брызгал в нас слюной, я видел, как эти герои прудили в штаны и поджигали хвосты при самом слабом напоре, я впервые почувствовал специфический запах победы – запах обгадившегося врага, хотя мне ещё предстояло узнать и другие запахи победы – крови и гниющих трупов. Победа не всегда пахнет шампанским и женскими духами. У победы чаще суровое лицо.

«Мочить их надо было, как немцы!» – мрачно изрёк Петров, когда вечером, в городском сквере, мы тесной компанией пили пиво.

«Замахнулись, а не ударили, а это не есть хорошо, Отмоются и опять возьмутся за старое. А уж героев „борьбы“ с нами сколько расплодится! Да и хозяева ихние почти бесплатно репетицию провели. А социализм, капитализм здесь ни при чём. Ненавидят нас на Западе и всё дела. По – разному мы на жизнь смотрим. То в ней понимаем, что их убогими языками и не выскажешь» – майор допил пиво, поставил под лавочку пустую бутылку – «Ухожу я со службы, пора на пенсию. Всех благ тебе, казак! Ты парень умный и честный – разберёшься в жизни. Даст Бог – свидимся».

Мы пожали руки и расстались навсегда.

Казачий атаман Петров погиб в девяностые годы на Кавказе.

Как в калейдоскопе замелькали картинки сна – я стреляю в бандита из «Хаммера», а вот он, ещё живой, стреляет в раненного Петрова.

Тихий стук клавиатуры, настольная лампа, привычная с детства обстановка милого родного дома. Приятно, однако, изображать из себя писателя. А может я и вправду им стану? Мне есть, что рассказать, вот только закончу с этим делом. . . .

Первые морозцы, зима уже. Темнеет совсем рано.

Спокойный, тихий вечер. Кручу ручку настройки пластмассовой «Спидолы», короткие волны, туповатые речи из Мюнхена, терзаются друзья о нашей трудной жизни, заботятся о процветании и счастье великого русского народа. Ой, ли? Плеснул себе ещё пол рюмки «беленькой», опрокинул вдогонку за первой, закусил чёрным солёным груздем. Лепота! Переключился на средние волны. Дорогой Леонид Ильич состарившимся баритоном пытается рассказать что-то о «сиське-масиське». А, это он про социалистические страны нам неразумным втолковывает. Тот же старичок всей душой о нас болеет. Да ещё проклятые империалисты совсем затрахали бедную Анджелу Девис. Ну, чтобы у неё всё было путём! Я отправляю третью следом за второй, с удовольствием пережёвываю несколько классных, хрустящих грибков, рука потянулась выключить приёмник, но задержалась. Кем то «уполномоченный» ТАСС заявил, что в Афганистане, после возвращения с Кубы, скоропостижно скончался их Президент. Беда какая! Пришлось пропустить ещё рюмочку за упокой его души. Соседи всё же, да и не воевали с ними никогда, а это ой какая редкость. То, что Президента скошил не грипп, а его просто задушили подушкой, мы узнаем значительно позже, когда специальная группа КГБ возьмёт иттурмом президентский дворец и уничтожит нового Президента Амина, по совместительству убийцу предыдущего владыки страны.

А сегодняшний вечер остался спокойным и незамутнённым смертью, возможно хорошего человека, в каком-то далёком от нас по времени и культуре Афганистане.

За окном – улица маленького провинциального городка России, а дальше – огромная территория могучей Империи, заселённой совершенно разными народами, между которыми различий больше, чем общего.

«Ну, что, товарищ офицер, пора байки?» – я выключаю свет на кухне и потихонечку пробираюсь в спальню. Сегодня наша «двушка» пуста – жена с детьми уехала гостить к «любимой» тёще. Плавно опускаюсь на диван-кровать и быстро засыпаю, а над моей благополучной жизнью уже нависло новое испытание. Сюда, из неведомого мне Афганистана, катились чёрные тучи. А где-то там, дальше, опять мелькнула сутулая тень посла из 56-го года. Его лицо-маска. Опять он!

Толян погиб! Разбился под Смоленском. Машина всмятку. Голова на нитке, сшивали всего..

Завтра похороны. Чёртова гололедица и пьяный урод на КАМазе неожиданно вышел на встречную. Лоб в лоб, без шансов. Три года вместе мы добывали на дорогах свой тяжёлый хлеб. Прощай, друг!

Я поднимаю глаза вверх. Спасибо тебе, мой Ангел-Хранитель, ты опять спас меня.

Санитарный самолёт пошёл на посадку, лёгкий толчок и большая машина покатила по бетонке военного аэродрома.

Всё! Всё! Большие никаких войн! Осточертело! Долечусь и на гражданку!

Позади остался чужой и непонятый Афганистан, а я жив и почти здоров.

Дом, семья, дети, жена, родители.

«Всё! Всё! Больше никакой Родины! Чего здесь дожидаться? Моя страна – труп! Сгнить вместе с ним? У нас есть, на что и куда уехать!»

Жена спокойно смотрит на меня: «Успокойся, некуда ты не уедешь, ну, чего себе душу рвёшь, не такое было, переживём».

«Зачем переживать? Надо просто жить, а не переживать постоянные трудности. Зачем нашим детям всё это?»

Она подходит, обнимает меня за плечо: «Успокойся, завтра решишь на спокойную голову, как будет, так и будет, мы всегда с тобой».

«Нет, когда „маленький“ человек выходит из рамок правил, что не он придумал, его называют преступником, а когда Власть плюет на свои собственные законы, то они – прагматики, противоречивые фигуры»

«Ты прав, прав, смотри, как ты стал чётко и коротко излагать такие замысловатые идеи. Ты и, правда – писатель. Но писатель должен жить на Родине»

«В честь чего? Когда так было в России?»

«Всегда, а те, кто уезжал – быстро сходили на нет».

«Ладно, завтра решим, пошли спать».

Узкая улица, горящие дома, разрывы, удары по броне.

«Связи, мать его, нет! Где свои, где „чехи“! Где та сука, что продала и предала нас? Вернусь живой – порешу бл..!»

Удар, гусеница поползла по горящему асфальту стальной змеей. Приехали. Сейчас сожгут заживо, через нижний люк, бегом к дому, взрыв.

Очнулся от боли, подвал дома, бородатые «духи» в камуфляже режут меня ножом, смеются, скалят жёлтые зубы.

«Станцуете? Что, наелся свободной Ичкерии?» – нож входит под каленую чашечку.

В глазах опять темно, смотрю на палачей, они хохочут, я показываю им фигу.

«Смелый? Да? Смелый? Герой? Да? Тащи на улицу, будем шашлык из этого барана делать»

Я смотрю на них, я запоминаю их всех, у меня отличная память. Я всех вас помню, уроды!

Льют бензин на меня, поджигают, вспышка, боль и только память. Я помню их всех, я знаю их имена, тех, кто убивал и тех, кто предал нас, кто нагло продал чужие жизни и Родину.

Я вижу и тебя, сутулый посол, и всех твоих последователей и хозяев! Вы все сдохнете страшной смертью.

«Что ты решил? Мы уезжаем?» – большие, голубые глаза смотрят из под светлый пышных волос прямо на меня, внимательно и настороженно.

«Нет! Мы остаёмся. У нас здесь ещё уйма дел. Возможно, потом, когда всё закончим. Но раньше – никогда»

Солнечный зайчик весело забегал по комнате со старой мебелью, по чистым окнам, остановился на столе, заиграл звёздочками на маленьком патроне от ППШ и исчез вместе с ним.

У нас всё будет хорошо!

2009 год.

Аист

Он спокойно гулял между домами маленького посёлка, не сторонясь и не избегая людей, уверенно переступая длинными тонкими ножками и гордо поглядывая по сторонам своими тёмными глазами. Его сородичи неделю, как улетели в тёплые края, ранняя осень начинала разрисовывать листья деревьев редкими мазками охры, а ещё тёплый воздух уже не заставлял искать прохлады в тени и становился бесконечно прозрачен.

Шальная мысль пригласить его в гости родилась сразу.

Видимо он тоже оказался не против и подгоняемый пятилетней Дашулей, как домашняя птичка, направился к нашему двору.

С виду он был вполне здоров, хотя несколько меньше взрослых птиц. То, что он не слишком пугливо относился к людям, было странно. Вообще местное население трогательно нежно относится к этим вестникам удачи, но мне не приходилось видеть, чтобы эти птицы подпускали к себе людей и даже позволяли взять себя на руки, а наш новый знакомый, не возражал, когда я, чтобы ускорить возвращение, донёс его до дома.

Я опустил аиста на землю, открыл калитку. Птичка взглянула на меня и вошла во двор. Восторга Даши не было предела, она прыгала рядом и гладила его по спине, потом спросила: «Можно его домой пригласить?»

«А почему нет? Веди, показывай, как ты живёшь».

Аист вошёл в открытую дверь, хозяином погулял по комнатам, внимательно осматривая новую для него обстановку, и совсем не торопился вернуться на улицу. Попытка покормить его не вызвала в нём прилива восторга, то ли предлагаемое угощение не входило в число его любимых блюд, то ли он хотел показать, что зашёл в гости не ради сладкого пирога, а просто в качестве визита вежливости. Вспышка фото камеры его совсем не пугала, и он позволил ребёнку позировать рядом с ним. Потом важно вышел на крыльцо, постоял, спустился по ступенькам вниз, погулял по двору и, вдруг, разбежавшись, тяжело набирая высоту, взлетел и был таков.

А нам осталось смотреть ему вслед и долго успокаивать плачущего ребёнка.

Замелькали очередные дни набравшей силу осени, зарядили частые дожди, по ночам начинались лёгкие заморозки. Я торопился домой из города, знакомая дорога, петля между вековыми деревьями, покорно ложилась под колёса легковушки, очередной поворот, а справа, возле автобусной остановки, у «зебры» стоял наш знакомый Аист. Я вдавил педаль тормоза, машина аж присела на передние колёса, выскочил на дорогу и попытался подзвать его к себе, но он только повернул ко мне свою голову, внимательно посмотрел, прошёл по асфальту на другую сторону, спустился по откосу и зашагал по полю в сторону черневшего леса.

Ночью выпал снег и ударили морозы.

2010 г.

Валенки

Петровичу пришла посылка! Валенки!

Дед целый день гладил глазами и руками бесценный подарок, пока не решился их надеть. Тяжело всунул обмороженные ещё на фронте ноги в катанки, расправил худые, сутулые плечи и прошёлся по своей пустой и холодной комнате. Эх! Увидела бы его Семёновна! Жену дед схоронил два года назад.

Посылка пришла от внука. От единственной ниточки, державшей его в этой жизни. Обеих сыновей Петровича сожрала безжалостная машина Империи.

В окна стучала пурга, проникая через старые, сгнившие рамы. Он неуверенно провёл рукой по едва тёплой батарее отопления, сел на диван, включил телевизор, еще раз погладил валенки и закимарил.

Деду снился он сам – молодой и сильный. Он нёс на руках свою жену, рядом бежали его пацаны, а навстречу шёл взрослый внук. Тот поправлял рукой свои пышные русые волосы и весело смеялись зайчиками счастья его голубые глаза. Ну, точная копия деда! Крупные слёзы потекли из под закрытых век и дед умер.

На экране телевизора шустренький ведущий бойко махал ручонками с дорогим маникюром и уверенно тараторил об очередной победе страны. Но деда это уже не интересовало.

Судьба, наконец, сжалилась над ним – он так и не узнал, что неделю назад в чужих и холодных горах погиб его внук.

А по его стране мела пурга, покрывая саваном замерзающие города и умирающие посёлки.

2009 г.

Беспредел

Председатель колхоза устало поднял взгляд от лежащих на столе бумаг: «Ну, что тебе, эскулап свинячий? Чего случилось?»

Ветеринар шмыгнул красным носом: «Орлик чего-то заболел, надо кал на анализ в город отвезти, околеть может, хороший конь, жаль будет».

«Орлик?» – председатель потёр пальцами висок – «Ладно, бери командировку и дуй с говном, но если опять нажрёшься – выпру с работы и определю в ЛТП! Понял?»

Василий Петрович радостно кивнул в ответ и помчался в бухгалтерию.

Запрощавшись с друзьями ветеринар едва успел на поезд, подал билет проводнику и присел на нижнее боковое место общего вагона. Аккуратно перевязанный бечёвкой пакет из белой бумаги с лошадиным анализом пристроил на багажной полке, а на столике разложил домашнюю снедь. Ехать было целых шесть часов. Весело стучали по рельсам стальные колёса, раскачивался и поскрипывал старый вагон. Мелькали за грязными стёклами лесные пейзажи средней полосы.

Петрович достал маленький гранённый походный стаканчик, налил из пол-литровой бутылочки самогончику и опрокинул его внутрь проспиртованного организма. Закусил малосольным огурчиком и мечтательно поднял глаза вверх. Хорошо-то как! Через час ужин был закончен и Василий мирно засопел, приткнувшись в уголок своего «купе».

«Товарищ! Просыпайся! Приехали!» – пожилой проводник несильно тряс Петровича за плечо. Тот потянулся, передёрнул плечами: «Спасибо, отец. Я уже проснулся».

Он встал, застегнул потёртый пиджачок, надел на голову серую кепку, зевнул и полез на верхнюю полку за пакетом. ОПА! Полка была пуста!

«Обокрали!» – остатки самогона выветрились из головы коровьего доктора. Он пошарил на соседних местах, заглянул под нижнее и хмуро побрёл к выходу.

Яркое, ласковое осеннее солнце гладило небритые щёки ветеринара, внутренние органы требовали влаги, а протрезвевшие мозги искали выхода. Он прошёл по перрону на привокзальную площадь и уткнулся в конец небольшой очереди к пивному ларьку.

«Жигулёвское» из тяжёлой гранённой пол-литровой кружки придало плавности движениям Василия, опорожнив её, он взял другую, бутерброд с рыбкой, не спеша покончил с ними и, весело улыбувшись, бодро зашагал по улице. План действий уже лежал под серой кепкой в его интеллигентной голове. В киоске купил самую большую газету «Правда» с профилями Ильича на первой странице и зашагал к известной ему конюшне.

Через час он сдал, упакованный в «Правду», анализ Орлика в ветлечебницу. Побродил по городишке, ходил в кино, ещё разок выпил пивка, пообедал жиденьким борщом и обкраденной котлетой в столовой, получил результаты анализа и вечером уже кимарил в знакомом поезде, возвращаясь в родное село.

«Ну, что эскулап свинячий? Что анализ показал?» – председатель, прищурившись, смотрел на вошедшего Петровича.

«Да всё в норме, Степан Александрович! Здоров Орлик!» – ветеринар привычно шмыгнул, ёрзнул налево глазами и потёр пунцовый нос.

«Здоров?» – председатель побагровел – «Околет твой Орлик!»

2009 г.

Недострелённый

Мы шли по ровному полю, мягкий февральский снег легко прощался с жизнью под нашими сапогами, он лишь шмыгал носом перед кончиной. Лохи шли налево, а настоящие стрелки – направо. Мой удел – направо. У меня хорошая интуиция – я чувствую беду, я знаю, что нельзя поворачивать направо, но стыд или долг, я не знаю... Я иду, куда нельзя.

Стою на своём месте. Оружие в руках. Как я люблю оружие! Его холод! Его силу! Его воронённый блеск! Когда я стреляю, то верю ему, слушаю его совета и вместе мы попадаем в цель.

Какие-то люди в жиденьком лесу, крики и выстрелы. Удар в пах! Я падаю на колени. Я – на коленях! Переворачиваюсь и сажусь. Грязные маты несутся из моей глотки.

Стрельба стихла. Я расстёгиваю одежду, из моего тела тонкой струйкой течёт моя кровь!

Я плохо учил анатомию, но знаю, что там артерия и много ещё чего. Фонтана крови нет, значит не артерия. Как хорошо учиться в школе!

А силы почему-то уходят, тяжелеет голова. Друзья подхватывают меня, несут к трёхмостовому ЗИЛу, на котором мы совсем недавно ехали сюда, смеялись, шутили, сажают в кабину.

ЗИЛок рвёт по полю, крушит мелкий редколесец, выходит на дорогу. В машине, очевидно, тепло, но начинают мёрзнуть руки и ноги, кружится голова.

Господи! Я тебе никогда не верил! Спаси меня!

До госпиталя всего полсотни километров. Через грязное стекло – деревья вдоль дороги, на них – вороны. Колдобины, женщина стоит у обочин.

Это – конец?

Всё?

Грязь, сырость и конец?

Страх нет. Обречённость? Нет. Непонятка! Почему? Почему меня?

Руки ещё пытаются зажимать рану, они слиплись от крови, немеют и не слушаются меня. Быстрей, браток! Я скоро весь вытеку на пол кабины! Водила слился с рулём, давит до Олика, мощно ревёт огромный двигатель.

ЗИЛок въезжает в ворота госпиталя. Я смотрю, как меня несут в приёмный покой. Раздевают. Холодно, очень холодно, трясёт всего. Сестричка вытирает мне лоб. Я ещё жив? Холодно! Слышу разговор двух майоров-хирургов, что анестезиолога нет, не будет и общего наркоза. Операционная. Большая и холодная. Перед лицом белая занавеска, дальше – часть меня. догадываюсь – колют обезболивающее и режут меня. Тело как-то странно хрустит, моё тело. Я устал! Как хочется спать! Хирурги говорят о своём, я лежу, они режут. Идиллия нарушается болью, дёргаюсь, колют и продолжают. Боль, укол, боль, укол. Недоумение – не могут найти пулю. Рентген на месте, сверяют ещё мокрый снимок со мной, находят, вынимают, показывают мне. Бормашина сверлит треснувшую кость.

Всё! Швы на месте! Я в палате! Живой!

А утром! Дверь распахнулась и влетает жена! Какие-то нелепые бахилы на её прелестных ножках. Слезы, плачь, поцелуи!

А как приятно быть живым!!

2008 г.

Один день Сергея Сергеевича

*Моим друзьям-однокашникам, курсантам 3-й роты
Дальневосточного Высшего Инженерного Морского Училища им.
адмирала Г.И. Невельского, посвящаю*

«Рота! Подъём! Выходи строиться на утреннюю прогулку!» – до чего мерзкий голос у дневального.

В кубрике – обычной комнате общежития, жуткий холод. Владивосток загибался без воды, и отопление было символическое.

Пять кроватей. Забившиеся под невесомые шерстяные одеяла и шинели начинают копошиться тонкошее курсантки – первогодки. На улице темень, в окна бьёт ветер, мороз под двадцать. Прогулка! Одеваться не надо, тропическая ХБ-ха вся на тебе. Ноги ныряют в пахнущие какой-то гадостью рабочие ботинки-говнодавы. «Сопливчик» на шее, шинель, шапка. На подоконнике графин с замёрзшей водой, между рамами, почти на всю высоту окна – опилки.

Шмыгая носами, чертыхаясь и кашляя, публика выползает в длинный коридор. Перед шеренгой гарцует выбившийся в люди старшина. Ему надо выслуживаться – рядовым курсантом он не удержится в седле. Это его третий заход в училище. Первый окончился на вступительных экзаменах, во второй – дотянул до первой сессии и вот, опять поступил и, как уже опытный сторожил, назначен командовать.

Серёга подмигивает соседу: «Спасибо, Толян, что подсказал газеты под матрац подстелить, снизу не продувало».

«То-то, а то спорил!» – Толян довольно улыбается, его узкие корейские глаза превращаются в щелочки.

«Гарный хлопчик», – старшина привстал на носочках: «Быстрее! Внизу дежурный ахфицер! Рота! Направо, на выход!» – он один сейчас доволен жизнью. Сотни рабочих башмаков, хлопая и растирая до крови ноги, гремят по лестничным пролётам.

Медленнее, медленнее надо спускаться. Время прогулки ограничено и лучше потратить его на лестнице. Жгучий морозный ветер сковывает тело, рота сбилась в кучу, идти нас теперь никто не заставит.

«Старшина! Веди роту в общежитие!» – дежурный капитан третьего ранга трет свои замёрзшие уши.

А как тепло в промёрзшем до основания коридоре!

Теперь умываться.

Вода храниться в пустых корпусах аккумуляторов от подводных лодок. Это такие высокие узкие чёрные эбонитовые ящики высотой с метр. Туда её носят с единственной ещё действующей колонки на улице, а вот туалет...

Он, теоретически, закрыт. Воды нет. А в учебном корпусе он закрыт по факту.

Опять построение, за завтрак. До столовой с полкилометра. Ветер и мороз сошли с ума.

Снега нет. Мелкий щебень и песок бьёт в лицо. Шинель, похоже, сделана из ситца.

Бочковой чай, чёрный хлеб, тридцать грамм масла, манная слипшаяся каша на воде. Нас кормят на один рубль и одну копейку в день. Всё моментально влетает через рот в желудок.

На весь завтрак – десять минут.

Одеваемся. Какому-то бедолаге не повезло – пропала его шинель. Ветер свищет и воет. Эгершельд! Голый горбатый мыс между бухтой Золотой Рог и заливом Петра Великого.

Опять на своём родном пятом этаже. Конспекты, учебники, ручки с замёрзшей пастой. Теперь в учебный корпус – грызть науку. Первая пара – английский. Центральной предмет, его нам долбить все годы учёбы и сдавать на Госсах.

Витёк суетится с новой идеей: «А давайте сегодня англичанке ответим по-другому! Она нам – хау ду ю ду, а мы ей – ви а глед ту си ю. А что, складно и красиво! Она посмеется, и, смотришь, без двоек проскочим».

Он стройный, смазливый парень, видать знает толк в женщинах. Мы репетируем. Звонок. стремительно влетает «англичанка», дежурный по-английски отдаёт рапорт, проходит к столу и в нашу сторону: «Хау ду ю ду», начинает привычно садиться и... столбенеет, слыша наш экспромт.

Шутка не прошла.

Она сначала краснеет, а потом её лицо становится бледным, лишь красные пятна на скулах: «Что? Рады меня видеть? Ну, ладно, юмористы, посмотрим, что вы знаете!»

Наверное, мы знали мало. Лучший из нас получил всего две двойки... Да, Витку ещё долго изучать женщин.

Вторая пара – наша мечта! История КПСС. Лекция. Аудитория этой кафедры сделана амфитеатром, а глубокие, глухие парты полукругом, идущие от стены к стене служат прекрасным гранд-отелем японского масштаба. Мы заваливаемся а эти парты-шкафы и сладко спим там, потому что на первом курсе больше всего хочется есть и спать. Спать даже больше.

Третья пара – высшая математика под названием математический анализ. Опять лекция. Надо просто писать и стараться не уснуть. Димон попал на «крючок», препод делает ему замечание. На первой зимней сессии он сгорит на этом предмете, трижды пытаюсь его сдать.

«Иван Иванович, я хочу быть курсантом!» – взмолится он, когда ему замаячит третий и последний неуд. Начальник кафедры ухмыльнётся: «А я хочу быть премьер-министром» и спокойно поставит ему роковую оценку, которая отправит Димыча за борт его мечты о море.

Опять общага, опять построение, обед. Ветер стих, мороз ослаб до двенадцати, солнышко на небе.

Время самоподготовки. «Отморозки» забиваются под кровати спать, там их трудно найти, хитрые расползаются по пустым и холодным аудиториям, трудоголики долбят учебники в читальном зале. Каждый выбирает свой путь.

Ужин. Свободное время, отбой.

Штрафники ровняют паркетную палубу в коридоре, носят воду, чистят гальюн, стоят в нарядах. Едва подаются признаки жизни батареи отопления, опять усиливается ветер и мороз, пытаются уснуть под своими казёнными, многих видевших, одеялах тонкошеие первокурсники. Шмыгают носами, кашляют, матерят погоду и старшин, урчат голодные желудки, гаснет свет, только дневальный у стеклянной двери охраняет тумбочку.

Из двухсот, принятых на первый курс, после шести лет обучения только девяносто человек получат дипломы инженеров-судоводителей и отправятся работать в торговый флот СССР. Сейчас из них в живых едва наберешь половину.

2008 г.

А нам всё равно!

Откушав изрядно водочки, залив её сверху винцом и пивком, крепко закусив свежим морским бризом и дымком сигарет, два морских кадета, по прозвищу Жаконя и Витус, держали курс к родным пенатам. Переход до альма-матер был трудным – каменистая почва мыса Эгершельд норовила выскользнуть из-под подметающих пыль морских клешей, но будущие морские волки чётко держали курс. Подставив друг другу плечо, они стойко преодолевали бурные ветры, плясавшие над лысым и горбатым мысом на окраине Владивостока. Дабы утратить свои неразумно растраченные силы, мореманы пели песню. Нет, даже не песню, а всего один куплет из неё, нет, даже не куплет, а всего лишь часть припева. На большее уже не было ни сил, ни интеллекта. Над промытыми морскими волнами, политыми грозовыми дождями и потрёпанными ураганами седыми и мрачными камнями побережья залива Петра Великого неслось грозно-лирическое мужское двуголосье: «А нам всё равно! А нам всё равно!»

Далее должны были следовать что-то про остров невезения, но курсанты справедливо полагали, что местная публика и сама знала текст песни не хуже их.

Всё когда-нибудь заканчивается. Закончился и их героический вояж. Вот она, родная уже четыре года, общага! Тю-тю! Кирпичная пятиэтажка с высоченным цоколем. Чётко пройдя створы, они плавно вплыли в вечно открытые двери граунд флю и начали трудное восхождение на пятый этаж. Цоколь прошли спокойно. Так держать! Первый этаж – за стеклянной дверью – дневальный первокурсник, испуганно прижав правую руку к козырьку и вытянув тоненькую шейку, кричит во всю силу лёгких: «Рота! Смирно!»

«Вольно!» – Витус довольно улыбается – «Блин! Уважают нас молодые!»

Второй этаж, там живёт третий курс, дневальный хитро подмигивает, крутит глазами и командует: «Рота! Смирно!»

«Хорош прикалываться! Вольно!» – Жаконя сильнее опёрся на плечо друга.

На третьем и четвёртом этажах всё происходит примерно также, но друзьям прискучили повторяющиеся шутки.

Родной, пятый этаж. Открывают дверь. Корефан-дневальный, с лихой небрежностью козыряет и, особо не напрягая голосовые связки, спокойным молодым баритоном командует: «Рота! Смирно!»

«Вован, и ты прикалываешься? Вольно, блин! Мы баиньки хотим!»

На плечо Жакони ложится чужая рука и он, наконец, оборачивается Опаньки! Дежурный офицер, целый капитан третьего ранга во всей своей красе, командир чужой роты, как опытный подводник пристроился им в кильватер и вёл до «базы».

Лицо офицера сияет сильнее чем звёзды на погонах и силуэт подлодки на груди. Он сделал их! Вот так! Бац и на дно! На глазах у всех! Чья рота теперь лучше?

Утро следующего дня не задалось с построения.

«Рота! Смирно! Курсанты Остученов и Калужный – выйти из строя!» – родной командир роты гарцует перед шеренгой курсачей – «Вот эти два напились вчера и исполняли песню „А нам всё равно!“. Что им всё равно? Что в Африке каждый год от голода умирает двести тысяч человек? Что американский империализм изготовился к смертельному прыжку? А они беспечны и близоруки в таких условиях! За пьянство в увольнении и потерю политической БДИТЕЛЬНОСТИ каждому по четыре наряда на службу! Встать в строй!»

2008 г.

Закат

Вы когда-нибудь видели закат солнца в море?

Нет?

Смотрите!

Тёплый, спокойный океан, таинственно синий и могучий, его ровная поверхность слегка дышит дальними штормами, чуть нарушая абсолютную гладь мерной зыбью. Величественно и неспешно ласкает он борт судна, и только шум дизеля внутри железного чрева тревожит покой и одинокое могущество этого исполина.

А прямо по курсу – малиново-красное солнце тихо и неотвратно опускается к недостижимому горизонту, уже совсем рядом с ним, вот его огненный диск нежно прикоснулся к безбрежной водной глади, провёл по ней своей щекой и, засыпая, начал тонуть в пучине водной. Третью диска, половина, осталось совсем чуть-чуть и пропадает совсем, уступая на небосводе место мириадам звёзд. Пока видно только самые смелые светила и маленькие, но, наглые планеты.

Несколько минут навигационных сумерек, когда звёздами ещё нельзя любоваться, но с ними можно работать штурманам. На тысячах больших и малых судов и кораблей прикинули к секстанам судоводители.

Всё!

Время работы закончилось, горизонт растворился в темноте.

Теперь небесные фонарики только для мечтателей и влюблённых.

Они мерцают своим таинственным светом, подмигивают нам и десятками летят вниз, в морскую тьму и холод, оставляя нам только молниеносный свой отблеск и светящуюся на мгновение дорожку.

Океан засыпает под этим вечным шатром и баюкает своими могучими руками нас.

Нас, глухих, слабых, самоуверенных и недолговечных, как полёт брызг...

2009 г.

Секс по-милицейски. Будни УГРО

Инспектор УГРО капитан Рюмкин Владлен Моисеевич нежно, правой рукой придерживал за талию эксперта Зюкину Аллу Портовну, а левой ласково поглаживал её по ягодице, на что Аллочка отвечала ему лёгким покраснением щёчек, потупленным взором скромницы и медленным движением в направлении к кожаному казённому дивану. От неожиданного звонка оба вздрогнули. Владлен выпустил из руки тёплую попку эксперта и схватил холодную трубку аппарата связи:

«Алло! Ясно! Понял! Убийство! Выезжаем!»

До конца дежурства оставалось шесть часов. А как всё хорошо начиналось! Стрелка спидометра УАЗика содрогалась на цифре 60. Рассекая грязные лужи, скрипя лысой резиной на поворотах и разгоняя бомжующих псов, автомобиль мчался по ночным улицам Загорюкино.

Глухой двор облезлого дома, залитый прошлогодними фекалиями, чёрный «бумер» приоткнулся в кучу просроченного мусора, разбитое боковое стекло, свежий трупик привычно повис простреленной головкой на спортивном руле. Если бы не серые мозги, густо разбрызганные по дорогой обшивке салона, отсутствие затылка, что завалился на классное заднее кожаное сиденье, висящий на какой-то сопле смуглый глазик, заклеенный скотчем рот и вывернутые назад руки, сдавленные наручниками, то можно было подумать, что человек тихо и спокойно спит.

«На самоубийство не потянет?» – инспектор с надеждой посмотрел на эксперта.

«А на ДТП?» – Владлен моргнул и робко покосился на Аллочку.

Но та только привычным движением поправила съехавшую набок правую грудь, нежно погладила рукоять пистолета, что торчала из подмышки, нахмурила бровки и мотнула головой, а потом погрузилась в мысль, что бурлила в её мозгу.

Капитан безнадёжно махнул рукой: «Опять „висяк“! Нет, будь с ним сегодня опытный Василич, тогда а с этой... „висяк“. Пропали показатели за пол года и премия!»

Капитан тренированным движением включил музыку в машине и мечтательно задумался, его рука опустилась на подголовник сиденья:

«Ну, вот опять в чужие мысли залез!»

Стряхнуть мозги с руки не получилось, и он спокойно вытер их о сорочку пострадавшего, открыл бардачок. Пистолет, патроны, наркотики, блин, всё ерунда какая-то. О, бутылка коньяка! Отлично! Инспектор извлёк из кармана пару походных стаканов, штопор и мелко нарезанный лимон.

«Аллочка, а не снять ли нам стресс?»

Бутылка быстро кончилась, а до конца дежурства было еще пять часов. Чем заняться? Ёшкин кот! Чуть не забыл – обыскать труп! Во внутреннем кармане оказалась важнейшая улика – восемьсот долларов.

«Вот это удача!» – капитан весело заулыбался всеми своими ровными и белыми зубами, выбитыми ещё год назад – «Сержант, вот тебе зелёный стольник, сгоняй в лабаз, прикупи противострессового и покушать на двоих, да на еду сильно не траться, на работе мы чай».

Минут через двадцать сержант вернулся с, позвякивающим низким мажором, пакетом: «Всё, как приказали!»

«Молоток, вот тебе на мороженное и быстро все отсюда! Мы остаёмся в засаде!»

Сержант сглотнул слюну, глядя на пакет, что капитан держал в руке, вяло козырнул и исчез в плотной вони двора.

Заморосил дождь. Владлен открыл заднюю дверь, перекинул на переднее сиденье часть черепа пострадавшего, протёр кристально чёрным платком сиденье: «Прошу, коллега!»

Они привычно расположились на дорогой коже БМВ. За стеклами моросил мелкий надоедливый, как навозная муха, дождь, а в салоне было сухо и уютно, играла любимая музыка, приятно пах клопами коньяк и нежно соприкасались колени – острые и злые – капитана, круглые и тёплые – эксперта.

А в это время в логове бандитского беспредела Главный Мафиози беседовал и братвой:

«Ты, чо, рожа бандитская, не зачистил за собой? Бросил труп вместе с Бехой и считаешь сработал? Урод! Зацементирую! В навозной жиже растворю! Сучий потрох! Сгоняй на место, возьми эвакуатор и чтобы машина со жмуром была здесь! Быстро!»

Инспектор проснулся ночью, с трудом разжал замок голых ног эксперта Зюкиной у себя на поясице, протёр глаза. «Водила» всё так же сидел за рулём и, казалось, спал. Капитан надел фуражку, нацепил на голое тело португею с пистолетом и вдруг понял, что они... едут!

«Эй, потерпевший, ты куда? Блин! Под знак! Видишь „кирпич“?»

Водитель молчал заклеенным ртом. Инспектор, что бы не причинять потерпевшему лишнюю боль, рывком сорвал скотч. Челюсть обвисла, но труп продолжал молчать, а машина ехать по ночным улицам Закорюкино. Капитан понял, что пора бросать пить, жена была права. Он ущипнул себя, потом посильней – эксперта. Видимо, сильно посильней – Аллочка завопила, выскочила из-под опера и уставилась в лобовое стекло. Эвакуатор въезжал в ворота мрачного бандитского логова.

«А_А_А!!!» – заорала раздетая дама.

От крика труп завалился на бок, а инспектор выхватил пистолет и открыл огонь по гнезду разбоя и беспредела. Наступал провинциальный субботний день.

В понедельник к обеду примчалась группа захвата. Огромные ребята в камуфляже, попыхивая перегаром и протирая глаза через прорези масок, пошли на штурм. Охриневшие от страха матёрые бандиты сдались без боя. Они тряслись и что-то твердили ребятам в масках про стреляющего киллера без головы. Наручники весело захлопывались на покрытых мерзкой татуировкой руках мафиози. Капитан и эксперт, оба израненные, усталые, закопчённые, но гордые и счастливые, спускались с эвакуатора. Целые сутки, одним оставшимся патроном, они обстреливали банду, не давая ей уйти. Теперь народ Закорюкино был свободен и мог продолжать углублять демократию.

Капитан получил майора от министра, триппер от эксперта и развод от жены. Служит в своём городе, а вечерами, сидя на веранде скромного домика, играет на скрипке и пьёт французский коньяк.

Эксперт Зюкина ушла из органов и стала писательницей, её книги, под скромным псевдонимом Малинина-Доскова, расходятся миллионными тиражами.

Народ славного Закорюкино теперь легко и радостно шагает в светлое демократическое будущее, лишь иногда, по вечерам, когда детки не хотят ложиться спать, пугают их сказкой про стреляющего киллера без головы.

Королевские пельмени

Денис был не плохой мужик, вот только с буквой «ф» не дружил, всё норовил перед ней «Х» вструмить, а известно доподлинно, что люди с таким произношением всегда становятся помкомвзводами. Может это масонская ложа такая? Не стал и он исключением, а стал старшиной роты у нас, морских кадетов. В науках сильно не преуспевал, но упорство и должность позволяли ему надеяться, что он получит долгожданный диплом пусть и со средним баллом ровно три. Было ему двадцать пять лет и мы, пришедшие в училище со школьной скамьи, считали его старпером. И вот наш «старикан» взял и женился. Да, блин, на девочке на пару лет младше нас. Гордился старичок своей женой и иначе как «королевой» её не называл. Ну, королева и королева.

Однажды заскучали мы в славном городе Владивостоке, а, по сему, купили несколько бутылочек вина с гордой вывеской трёх семёрок, сели на лавочку и прикидываем как достойно и с комфортом их опорожнить. Тут откуда не возьмись Дениска объявляется, грустный такой. Русское сердце отходчиво и, хоть и был он старшиной, а вошли мы в угнетённое состояние его духа и предложили разделить нашу семёрочную радость.

И он, хоть и старшина, молвит человеческим голосом: «Чо, мы на улице? Пошли ко мне, моя королева нас накормит».

Как тут отказать? По дороге зашли в магазин, прикупили несколько пачек пельменей и притопали в гости. Жена у него и вправду была красавица – ни прибавить, ни отнять! Всё при ней и встретила приветливо.

Старшинка – плитку на стол, на неё кастрюлю с водой ставит, солит водичку, вилку в розетку втыкает, а его королева, хлопс, наши пельмени в холодную воду.

Мы, блин, аж сердцем зашлись! Те пельмени и в кипятке бы расплзлись с превеликим удовольствием, а вот так, с сырой водичкой.

Да, больше мне таких пельменей есть не доводилось! Ложками мы ЭТО закусывали, благо вино классное было, три семёрки, под него, что угодно съесть можно, даже королевские пельмени.

2008 г.

Медь в голосе

Накатило, подвалило! Два дня отдыха плюсовались ещё с двумя «солидарности трудящихся всех стран». Четверо суток! Почти отпуск. «Домой поеду, гад я буду!» – начищая башмаки думал Серега. Морские кадеты разлетались из общаги, что альбатросы от опостылевших волн. Но... вдруг, откуда не возьмись однокурсник Колян нарисовался.

«Выручай, Серый! Вот таких двух подруг подцепил! Напарник нужен!»

«Я домой еду, вон Паниковского возьми, он всегда готов».

«Серый, мне некогда шутить, там такие девочки, они на это чмо и не взглянут»

«Опять как в прошлый раз? Я, блин, твоим мед. институтом сыт по горло! Спирт из банки с заспиртованными... Ой, блин, сейчас опять вырвет!»

«Да ты, чо? Это настоящие эстетки, леди! Филфак универа, четвёртый курс! Через год будут балбесам Тургенева впаривать!»

«Колян, я, конечно, могу ошибаться, но лингвисты хуже медиков».

«Ложь, Серый, враки это! Я тебе зуб даю – леди!»

«Ну, смотри, если опять спирт с кишками...»

«Какой спирт? Вот пару „противотанковых“ приборбим и вперёд».

«А хватит две?»

«Не хватит – доберём! Я знал, что ты настоящий друг! У меня дача свободная нарисовалась, родители в гости подались, отдохнём культурно!»

Рассвет наглыми полосками тонких лучей проникал через допотопные шторы. Ломило виски от серии «противотанковых» семёрочных портвешков. В ушах ещё бухала музыка кассетника. Рядом мирно сопела леди и будущий светоч отечественного литературоведения Светик.

Серёга сел на край дивана, потёр виски, потянулся за разбросанной на полу формой.

«Ты куда, милый?» – на плечо легла рука, тонкая рука филолога.

«Ну, всё девочки, родители должны через пару часиков приехать. Серёга вас проводит до города, а я тут марафет наведу»

«Коля, а когда к нам?» – Ленуся обижено скрючила губки.

«К вечеру, к вечеру, вы Серого опекайте, а я тут всё утрясу и подъеду».

Электричка бойко постукивала колёсиками по стыкам. За окном проплывал залив Петра Великого, гудела голова, слегка тошнило, а Светик и Ленуся обсуждали реферат по великому пролетарскому писателю Горькому.

«Медь в голосе? Что это?»

Серёга поморщился и бросил своё веское мужское слово в бесполезный женский лепет: «Это когда человек зло говорит, нотки такие звенящие...»

Дамы уставились на него так, вроде заговорил Медный Всадник.

Коктейль с шампанским и мороженное поправили здоровье, Владивосток бурлил, шумел и веселился, радуясь всемирной солидарности всех трудящихся масс. Потом в опустевшей общаге «дуги», продолжили праздник, поджидая Колю.

А утром чёрт принёс злого декана, что начал шмыгать по комнатам.

К шутам всё собачим, поёживаясь от утреннего тумана, думал Серый, топая в родную «бурсу», пожевал по дороге в буфете вокзала, пропустил кружечку пивка в уютном «Зелёном попугае» и завалился спать в родной и милой «ротее».

Дневальный растолкал энергично и несколько грубо: «К телефону иди!»

На другом конце провода Колян: «Серый, отдохнул? Давай шнуром ко мне, я тут таких девочек снял!»

«Опять леди?»

«А то! Серый, это не универ, эти вообще золото! Настоящие мадонны! Торговый факультет ДВИСТА!»

Серёга провёл рукой по заросшей скуле, достал из тумбочки бритву. Предстояла встреча с настоящими мадоннами!

2009 г.

Тулуп для пушки

Эту историю или байку (как Вам будет угодно) я услышал много лет назад, когда курсантом училища торгового флота приобщался к своей военной специальности подводника. Не скажу, что «служба» нас сильно тяготила, во-первых, мы были уже на шестом курсе и любой самый упёртый «старик» годился нам в сынки, да и вряд ли кто из самых отпетых «дедов» не помнил, что жизнь не заканчивается в казарме, а погулять спокойно в увольнении по Владивостоку после ссоры с кадетами ДВВИМУ будет потом проблематично.

Офицеры же, в силу того, что подводники люди очень и очень демократичные, рассудительные и умные относились к нам как к неизбежному злу и здраво полагали, что если зло неистребимо, то лучше его отодвинуть от себя подальше. По этой причине просьбы съездить к больной бабуле или на свадьбу к королю Таиланда находили понимание в душах и умах наших командиров. Они жили своей, а мы своей, параллельными жизнями и наши параллели, не в пример геометрии Лобачевского, не пересекались.

Надо отдать должное и нам – мы ни разу не подвели этих замечательных людей, так как твёрдо помнили постулат дедушки Ленина, что свобода есть осознанная необходимость. Ну, а во-вторых, я попал служить в бригаду лодок, которая накрепко приросла к пирсам Дальзавода.

Ремонт, особенно в Военно-Морском флоте, вещь обстоятельная и неспешная, Некоторые срочники начинали и заканчивали службу, так и не испив двести грамм водички из глубин морских.

Так вот на этом самом прекрасном заводе я и услышал историю про тулуп и пушку. И если какой-нибудь зануда поймает меня на некоторый фантастических, с точки зрения материализма, фактах, то отвечу, что жизнь без вранья просто невозможна и преподносит иногда фортели и позаковырестей.

Стояла в этом Дальзаводе на модернизации довольно старая субмарина, а уж если ремонт – вещь обстоятельная по времени, то модернизация – это несколько ремонтов плюс ещё уйма времени.

Вы, очевидно, знаете, что лодки в войну имели на палубе по одной или две пушки, но пришло новое время, изменилась стратегия и тактика подводной войны и господин Устав запретил атаку из надводного положения. А раз запрещён надводный бой, значить нет нужды и в пушках и, как один из пунктов модернизации, значился демонтаж этих самых пушек и сдача их на склад.

Уж не знаю, как там у проклятых капиталистов сегодня, а при социализме в судоремонте была сдельная оплата труда. Сколько рабочий настучит молотком – столько получай. Только что-то не очень этот самый рабочий этим самым молотком стучал. Много настучишь – норму поднимут и начальников за перерасход зарплаты взгреют. Вот и стучит означенный рабочий своим молоточком звонко, но не шибко, что бы и норму не подняли и мастер премию получил, этак чуток выше ста процентов стучит, на доли процентов выше.

Пришла такая бригада и на нашу подлодку, попыхтели газовыми горелками, постучали знаменитыми молотками, короче, открыли пушку, а тут как раз и эти самые доли процентов рожу наглую выставляют. Покурили ребята для порядка и пошабашили до следующего раза. Солнышко весеннее пригревает, травка на травку...

Короче весна она и есть весна!

Рядом часовой с карабином и в тулупе от супостата боевой корабль бережёт. Жарко краснофлотцу в таком облачении, а не моги, терпи. То ли жара допекла, то ли боец не до конца в святость Устава поверил, но снял он тулуп и повесил на открученную пушку.

Что уж он рядом с этой пушкой делал, но умудрился спихнуть её прямо с борта в тёмную пучину бухты Золотой Рог. Ограждения там нет, борт покатый и низкий, вообще только

три пузыря, да и те смешно маленькие, пушка и исчезла под водой, а вместе с ней и тулупчик. Матросик туда, сюда, да и прикусил язычок Вахту сдал с одним карабином, а тулуп, в силу приятной и тёплой погоды, из внимания начальников выпал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.